

ИСАЕВ Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33; disaew@mail.ru)

ТРАПШ Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33; dukekeleshbey@gmail.com)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО ИНЖЕНЕРА: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ К АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам формирования и эволюции профессиональной идентичности советского инженера. Авторы предлагают рассматривать данный процесс через актуализацию традиционных, «советских» и альтернативных идентификационных элементов в разные исторические периоды. Во второй половине XX в., с одной стороны, для инженера большее значение приобретают общечеловеческие ценности, с другой – научно-техническая политика государства способствует развитию более неопределенной профессиональной идентичности инженера.*

Ключевые слова: *советский инженер, труд, профессиональная идентичность, традиция, альтернативные ценности*

Современные исследования профессиональной культуры в российском обществе имеют ярко выраженный междисциплинарный характер. Социологические, психологические, антропологические срезы трудовой деятельности позволяют выявить определенные закономерности в формировании профессиональной идентичности граждан, занятых в сферах интеллектуального и физического труда. Отдельные категории профессий современного постиндустриального общества переживают трансформацию, сказывающуюся на социальном и профессиональном статусе их носителей.

Неопределенная сегодня идентичность категории «инженер» заставляет обратиться к историческому опыту формирования и реализации данной профессии в условиях советской экономической модернизации. Сосредоточение внимания современной социогуманитаристики на проблемах истории «маленького человека», его повседневности, субъективных стратегий актуализирует вопрос о влиянии социальной и экономической политики на процессы идентификации основных профессиональных групп внутри индустриальной системы. В рамках данной статьи мы сосредоточим свое внимание на траекториях профессиональной идентификации советского инженера. Будет предпринята попытка построения и обоснования трехчастной модели элементов идентичности, условно соотносенных с традиционными, «советскими» и альтернативными ценностями. Преимущественное внимание уделено зафиксированным письменно личным высказываниям и воспоминаниям производственников, работавших в различных сферах инженерно-технической деятельности. Их эмпирическая ценность определяется прежде всего субъективным отражением в сознании актора трудовой траектории в соотношении с идеальным образом профессии.

Обратившись к общим закономерностям эволюции профессии инженера в СССР, которые представлены в объективированном виде, обнаруживаем следующую картину. Процесс «формовки» нового инженера начался в 1920-х гг. В то же время необходимость приобщения к советскому строительству старых «спецов» сопровождалась целенаправленной политикой усиления контроля, а

впоследствии — и социальным замещением чуждого власти данного трудового класса. К примеру, отсутствие нормальной правовой базы делало представителей старой технической интеллигенции беззащитными перед своеволием директоров заводов, фабрик [Ермушин 2012]. Власти осознанно продуцировали недоверие к «спецам» со стороны и простых трудящихся.

Общей особенностью подготовки инженеров в 1920-е гг. является ускоренное обучение, прикладной характер [Гусарова 2011]. В 1930-е гг. в условиях создания индустриальной базы были предприняты государственные усилия по созданию системы технического образования. Открывались вузы, научные институты и т.д. [Бодрова 2011]. Уже тогда была отмечена такая особенность подготовки, как узкопрофильность, которая и позднее будет определять профессиональный облик инженера. На период индустриализации приходится постепенное растворение «буржуазной» технической интеллигенции в массе советских инженеров.

Следующий, послесталинский период советской модернизации (1950–1980-е гг.) определил дальнейшую траекторию развития технического образования и вместе с тем привел к кризисным явлениям в сфере профессионального самосознания инженерных работников, давшим о себе знать в позднесоветский и даже постсоветский период. В целом, объективные показатели свидетельствуют о дальнейшем развитии производственной сферы. Складываются производственные комплексы «завод-вуз», позволявшие организовать потоковую подготовку молодых специалистов с распределением рабочих мест. На деле народное хозяйство сталкивалось с проблемой перепроизводства инженеров, что приводило к перераспределению кадров между квалифицированными и малоквалифицированными специальностями [Гусарова 2010б]. Наконец, как отмечает В.Е. Бодрова, опережающий в период после Великой Отечественной войны и далее рост численности технических работников в сравнении с ростом научного сообщества в целом приводил к тому, что высшая школа элементарно не успевала за актуальными научно-техническими исследованиями, научным прогрессом в целом, что отражалось и на качестве подготовки специалистов [Бодрова 2011: 37–38].

Рассмотренный выше процесс подготовки и существования инженерно-технических кадров на протяжении долгого периода определял и механизм формирования и реализации их профессиональной идентичности. Попытаемся построить данную динамику, обратившись к личностным внутренним аспектам профессионального развития инженера, его ответам на государственный заказ на профессию.

Особенность процесса заключается в том, что на разных этапах эволюции инженерной специальности в СССР в профессиональную траекторию закладывались различные элементы профессиональной идентичности. Вернее, следует говорить о приоритетных стратегиях профессионального поведения. Традиционный идентификационный фундамент был заложен еще до 1917 г. К своеобразным «константам» инженера в России отнесем знаточество, способность к неординарным творческим решениям, своеобразный казус Кулибина и др. [Абрамов 2015: 235]. К сожалению, атака советской власти на классово чуждый элемент приводила к их фактическому вытеснению из профессионального пространства. Вот как фиксировал в 1933 г. положение дел С.М. Киров: «...мы вырастили за это время кадры своих, советских, высококвалифицированных инженеров... мы сломили сопротивление и разгромили организации вредителей, мы сделали все, чтобы использовать технический опыт и знания старого инженера...» [Захаров 2014: 262]. То есть, власть откровенно заявляла о сущности своей социальной политики, создании новой социальной структуры, в которой не было места «бывшим». Их профессиональный облик менялся под давлением этих неблагоприятных факторов.

К примеру, по воспоминаниям советского инженера А.Н. Пирожковой, после Шахтинского процесса 1928 г. осужденные боялись совершить даже простейшие дела без одобрения начальства, что ее удивляло. Однако, как оказалось, «мотивы действий этих ученых были... просты: если этим ученым не доверяют, то ответ за любой просчет должна нести власть» [Захаров 2014: 268]. У старых инженеров отнимали свободу действий. В результате существенным элементом их профессиональной идентичности становился конформизм, который расцветет яркими красками в следующих поколениях советских граждан.

Собственно, первое поколение советских инженеров представляет собой следующий тип. Узкопрофильная специальность, недостаток общего систематического образования приводили к тому, что формировался специалист с недостаточным уровнем интеллигентности вообще. Тем не менее данная специфика удовлетворяла запросу партии, поскольку позволяла конструировать антагонистическую традиционным ценностям новую социальную идентичность. Далее, этот инженер воспитывал в себе технократическое отношение к обществу. Социальные структуры, социальная динамика воспринимались им в моделях технического расчета, поддавались машинному конструированию. Не случайно в художественной литературе тех лет появляется инженер-преобразователь, своего рода спаситель человечества [Малыгина 2012: 40].

Тот социальный оптимизм, охвативший советское общество в строительстве светлого коммунистического будущего, в целом был характерен и для технарей. Интересно, как оценивал трудности в предвоенный период инженер из Златоуста И.И. Мурзин. По его словам, «как бы ни трудно приходилось осваиваться в сложных условиях, мое сознание как-то самопроизвольно ориентировалось всегда на то, что без тяжелого упорного труда невозможно накопить необходимые жизненные знания и опыт, то есть как раз именно то, без чего немислимо движение вперед» [Металлурги... 2015: 6]. Отметим, что в данном признании также рефлексивно отражаются не только ценности инженера-профессионала, но и трудовые традиции русского народа вообще.

Естественно, что в условиях создания коллективистской личности в СССР новые инженеры восприняли коллективизм как один из краеугольных элементов своей идентичности. Обратившись к биографиям инженеров того времени, можно зафиксировать, что «в тот период индивидуальное и приватное по определению воспринимались как нечто малозначимое в сравнении с коллективным и общественным: инженеры пропадали на производстве и, бывало, по неделе не видели свои семьи» [Немчинов, Панарин, Панарина 2005: 73]. Хотя, с другой стороны, предположим, что новая трудовая ценность здесь бесконфликтно наложилась на традиционный идентификационный элемент служения народу.

Однако профессиональное описание и самописание советского инженера периода сталинской индустриализации будут неполными, если мы не отметим их амбивалентный характер. Он заключался в том, что от старого инженерного наследия сохранялся шлейф некоторой социальной отчужденности, основанной на своеобразном признании социальной вины, усугублявшейся действительными просчетами, ошибками и т.д. В результате, по словам М.Н. Гусаровой, инженер превращается в конформиста [Гусарова 2010а: 172].

Отметим и другие противоречивые тенденции в формировании его профессиональной идентичности. Так, ряд современных ученых отмечают, что политический контроль над техническими работниками не мог быть всеобъемлющим. Создать идентичность инженера без социальной памяти не удавалось. Стойкими оказывались ее традиционные элементы. Как справедливо заметила О.В. Аксенова, поток молодежи из социальных низов, хлынувший в инженеры, не привел к полному изменению системы ценностей: «Произошло скорее ради-

кальное расширение круга носителей профессиональных ценностей, которые затем постоянно воспроизводились, несмотря на отдельные попытки власти создать функциональную систему управления» [Аксенова 2012: 138], т.е. то, что можно назвать «социальным винтиком». Кроме того, стратегия власти на подержание классовой напряженности в обществе также не давала стопроцентный результат, а именно не удалось навязать полностью негативное отношение к ИТР со стороны пролетариата. В воспоминаниях тех лет мы сталкиваемся с бытовыми подробностями, демонстрирующими иное, уважительное отношение к ИТР. Например, как вспоминал авиаконструктор Л.Л. Кербер, сподвижник А.Н. Туполева, бывший арестант, к заключенному инженеру-конструктору вольнонаемные рабочие «иначе, как по имени-отчеству... не обращались» [Захаров 2014: 271]. Это замечание указывает и на определенные элементы корпоративной замкнутости, работавшей на сохранение профессиональной идентичности.

Условность политического контроля над профессиональной деятельностью объяснялась и тем, что специалиста оказалось трудно контролировать в его сугубо профессиональных действиях. Как вспоминал один из инженеров, правда, чуть более позднего времени, «контролировать профессионала полностью невозможно. Никто лучше него не владеет его предметом, даже его собственный начальник» [Аксенова 2012: 130]. Поэтому в жизненном мире советского инженера появляется, по определению исследователей, некое «пространство свободы», которое позволяло ему заниматься творческой исследовательской деятельностью. Например, уже упоминавшийся И.И. Мурзин вспоминал, что в годы Великой Отечественной войны поставленные заводу Златоуста сверху задачи касались общего характера выполняемых работ и ожидаемых результатов. А немалое число проблем организационного, но, главное, научно-исследовательского плана приходилось решать самостоятельно [Металлурги... 2015: 9]. С идеей творческого свободного труда как главной профессиональной ценности мы также сталкиваемся, к примеру, в биографии инженера А.П. Панарина [Немчинов, Панарин, Панарина 2005: 111].

Очевидно, что первое поколение советских инженеров сочетало в своем профессиональном облике элементы как традиционной, так и собственно «советской» идентичности, при превалировании последней. Однако считаем возможным выделить третью группу элементов, или профессиональных ценностей, которая оказывается тесно связанной с предыдущими. Что имеется в виду? Тот образ инженера, который целенаправленно конструировался властью, под воздействием различных факторов объективного и субъективного свойства оказывался шире, богаче навязываемой модели. Так, если говорить прежде всего о технической элите, то новый советский инженер в большей степени демонстрировал личностную идентичность в ущерб социальной. Как справедливо пишет Ю.С. Колчанова, «господствующая советская идеология и предполагаемая ею готовность к самопожертвованию не исключала наличие у представителей технической интеллигенции индивидуальных черт и жизненных ориентиров, не вписывавшихся в общую коммунистическую парадигму» [Колчанова 2015: 220]. Данный альтернативный жизненный мир выражался в первую очередь в особом отношении к вещам как показателям материального достатка. По мере возможности инженер 30-х гг. составлял себе гардероб, обзаводился мебелью, наконец, приобретал автомобиль. В формировании данного образа проявлялось особое отношение к деньгам. Так, один из инженеров г. Перми откровенно делился рецептом зарабатывания: «...против никогда не выступай, не критикуй, не вскрывай недостатки, а говори сколько угодно, хвали начальство, хвали порядки (будь подхалимом) — и тогда будет все прекрасно, получишь быстрый “рост” в про-

движении на руководящие посты, повысят оклад и огребать будешь кучу премиальных» [Колчанова 2015: 224]. Конечно, подобный взгляд на вещи разделялся далеко не всеми. Кстати говоря, в этом суждении также отчетливо проявлялся советский конформизм. Однако само появление в то время подобных взглядов симптоматично. Скорее стоит говорить о «мещанстве» как компенсаторной функции самосохранения в условиях тоталитарного режима.

Собственные стратегии вписывания в социалистическое общество и обретения идентичности инженерами выражались также в рефлексии над коммунистической идеологией. В целом соглашаясь с мнением Ю.С. Колчановой об «освоении» ими господствующей идеологии, мы предпочли бы термин «присвоение», который, как нам кажется, чуть точнее отражает суть тех процессов. «Присвоение» предполагает некоторое конструктивное изменение идеи, ее адаптацию в практическом применении. Жизненный опыт советских инженеров того времени демонстрирует подобные модели. Так, интересен мотив вступления в партию инженера «Магнетита», лауреата Сталинской премии А.П. Панарина. По воспоминаниям его сына, отец решил на это, «потому что понимал: выше ему не подняться, не развернуться, не сделать всего того, что, как он чувствовал, мог бы сделать, если останется беспартийным» [Немчинов, Панарин, Панарина 2005: 103]. Как мы видим, речь не идет о приверженности коммунистической идее как таковой. В данной мотивации проявляется определенный утилитаризм в политическом поведении ради достижения профессиональных предпочтений. Данное стремление также становится понятным, если мы вспомним о приоритете рабочего класса среди трудового населения при вступлении в партию [Тульчинский 2013: 106].

Конечно, идеологическая сфера требовала от советского человека соблюдения осторожности. Необходимо было придерживаться баланса между политическим активизмом и индифферентностью. Обратимся к личным суждениям инженеров. Один из них признавался: «Меня все это не интересовало вообще. О политических проблемах, диктатуре, демократии и так далее я не думал. Я думал только о работе, даже дома, даже в отпуске» [Аксенова 2015: 129]. Как представляется, данное в чем-то смелое признание характеризует альтернативность профессиональной культуры: якобы настоящий профессионализм вне сферы политики. Мы относим данный элемент идентичности к альтернативным ценностям, поскольку он актуализировался именно через рефлексию личности над господствующими тогда социальными нормами.

В послесталинский период эволюция социальной структуры, государственная политика в сфере промышленности и производства и другие факторы также влияли на динамику формирования профессиональной идентичности технических специалистов. Политическое позиционирование вряд ли отличалось от других социально-профессиональных групп населения. Как отмечает А.А. Гордин, ценностные ориентиры инженеров после смерти Сталина, отклик на политические события «оттепели», решения XX съезда партии соответствовали мировоззрению советских трудящихся [Гордин 2008: 44-48].

Постепенное понижение «экстремальности» отношений власти и общества, отказ от мобилизационных стратегий социального управления приводили к тому, что и в профессиональном облике технической интеллигенции все большее место занимали общечеловеческие ценности. Профессионал должен был обладать гражданской позицией. Хотя, к примеру, и в 1975 г. инженер Н.Т. Никитин сокрушался: «Инженеров стало очень много, а культуры еще маловато. Проблема воспитания – одна из сложных. И подготовить специалиста высокого класса еще не значит подготовить на этом же уровне его общественное лицо» [Никитина 2015: 131]. Отметим, что замечания ветерана труда как раз относятся к послед-

ствиям той массовой подготовки инженеров и их узкопрофильной специализации, которые стали очевидными в 1960–1980-х гг. В целом, конечно, общий культурный и образовательный уровень повышался. Так, неперенным атрибутом профессиональной культуры ИТР было знание художественной литературы. Преподаватели технических учебных заведений, сами получившие уже советское образование, все более ориентировались на образы старой технической интеллигенции. Например, так описывает своих учителей В.В. Коробейников (1950-е гг.): «Это были люди высокообразованные, глубоко знавшие свой предмет. Вдобавок они являлись носителями высокой внутренней культуры и были для нас образцом для подражания» [Коробейников, Коробейников 2010: 124]. Заметим, что речь идет о провинциальном техникуме.

Представляется, что в послесталинский период в профессиональной идентичности инженера ведущее место занимают традиционные профессиональные ценности. Прежде всего, надо говорить о трепетном отношении к своему делу. «Нам нравилось, что наша работа сложная и интересная, что постоянно думать надо. Думали о том, что проектировали, и на работе, и дома... Засыпал и просыпался с этими мыслями», — так говорил инженер, получивший образование в 1950-х гг. [Аксенова 2015: 135-136]. Интересно, что местоимения «нам», «наша» следует, наверное, интерпретировать не в пользу коллективизма как социальной идентификационной единицы, а, скорее, как отражение общего взгляда специалистов на специфику своего труда.

Техническая сфера, конечно же, требовала специальных знаний. Будущий инженер проходил коридоры среднеспециальных и высших технических учебных заведений. Весьма показателен в этом случае пример В.В. Коробейникова, с детства увлекавшегося радиоустройствами, приемниками и т.д. Вспоминая мотивы выбора профессии, он писал, что наступающая тогда эпоха НТР приводила к бурному развитию технических наук. Сложные устройства требовали знакомства с теорией радиотехники. По словам инженера, «чтобы заниматься творчеством, следовало овладеть систематическими знаниями». Учеба в техникуме, дальнейшая рефлексия над проблемами профессии вызвали в молодом человеке осознание того, что и «техникумовских знаний недостаточно для глубокого понимания сути процессов, которые происходят в электронных устройствах... Значит, надо учиться на инженера» [Коробейников, Коробейников 2010: 120, 126]. Как видим, здесь серьезный мотивационный фактор — творческий характер труда — подпитывался другой ценностью — сложностью работы, для чего будущему инженеру и нужны были фундаментальные знания. Интересно, что данное самописание Коробейникова соответствует определенному профессиональному этикету, суть которого подмечена С. Шаттенберг. По ее словам, как правило, в мемуарах, описывая детство, обучение, советские инженеры «рассматривали свое становление как исполнение намеченной программы, как постепенное движение вверх, прерываемое лишь немногими препятствиями, которые надлежало преодолеть» [Шаттенберг 2011: 136].

В целом, данная профессиональная траектория становилась обычной для новых поколений советских инженеров. Не случайно к 1970-м гг. инженер с высшим образованием становится самой массовой социально-профессиональной группой в СССР [Лебединцева 2015: 24]. Вместе с тем государственная политика в области технического образования, промышленно-производственной сферы внесла свои коррективы в динамику идентичности ИТР. Самое непосредственное участие государства, партии в процессе трудоустройства технарей постепенно приводило к тому, что в таком важном вопросе профессионального становления, профессионального выбора исчезал собственно личностный фактор. По словам А.А. Араслановой, инженеры перестали думать о субъек-

тивных причинах, связанных с самореализацией в каком-либо виде деятельности и влекущих за собой повышение профессионализма [Арасланова 2016: 19]. Ведь об этом позаботится государство. Далее, все более углубляющаяся специализация, увеличивающийся разрыв науки и технологий, производства все более ограничивал сферу творческого труда. А ведь именно он выступал одним из важных мотивирующих факторов выбора данной профессии. Эти причины создавали благодатную почву для развития альтернативных элементов в профессиональной идентичности инженера. Так, профессиональная самореализация постепенно стала связываться с повышением материального достатка, увеличением заработной платы и т.д. Собственно, к такому положению вещей подталкивала сама экономическая конъюнктура 1960–1980-х гг., когда в условиях перепроизводства выпускники вузов вынуждены были оседать в т.ч. и на рабочих специальностях. В обиходе даже появляется такой термин, как «рабочий интеллигент». Специалисты идут на смену профессии, переходят на менее квалифицированные, но более высоко оплачиваемые должности. Такова была реакция инженерно-технических специальностей на советскую трудовую модель, в которой искусственно завышалась значимость неквалифицированного труда [Соболев 2008]. Перспектива профессионального карьерного роста инженера уступала свою значимость перспективе понижения своей квалификации, но увеличению заработков, а через это – и профессиональной удовлетворенности [Арасланова 2016: 25-26]. Потеря престижа инженерной профессии зачастую приводила к смене идентичности, размыванию в сторону более неопределенной – «советского трудящегося».

Таким образом, профессиональный кризис, выпавший на долю инженеров в 1990-е гг., имел свои корни еще в позднесоветский период, когда происходила постепенная дискредитация профессии, и наряду с деиндустриализацией выступил главной причиной отсутствия привлекательности инженерной профессии уже в постсоветские годы.

Подведем итоги. Профессиональная идентичность инженера в СССР формировалась и эволюционировала под воздействием различных факторов. Для осмысления данного процесса нами предложена трехчастная модель элементов идентичности (традиционные, «советские», альтернативные), которые на протяжении десятилетий существования Советского Союза определяли профессиональный облик ИТР. Политика власти в отношении старых «спецов» повлияла на их идентификационные признаки, способствуя в конечном счете восприятию новых ценностей, например конформизма. Первое поколение советских инженеров неизбежно строило свою профессиональную идентичность на фундаменте как традиционных, так и новых, «советских» ценностей. К советским мы отнесем социальный оптимизм, коллективизм, конформизм и др., к традиционным – профессионализм, профессиональный активизм, культурную преемственность. Причем традиционные элементы постепенно приобретают все большее значение. Одновременно формируется альтернативная идентичность, выступающая в качестве компенсаторной функции в условиях тоталитаризма. К ее элементам можно отнести ценности материального достатка, «присвоение» коммунистической идеологии, политическую индифферентность.

В послесталинский период в качестве идентификационных признаков инженера все большее значение получают общечеловеческие ценности. Повышается культурно-образовательный уровень. Профессиональное отношение к делу является одной из ключевых ценностей. Вместе с тем политико-экономические факторы в советском обществе 1960–1980-х гг. вносят свои коррективы. Негативно на профессиональной идентичности технических работников сказываются пере-производство кадров, углубляющаяся специализация, увеличивающийся отрыв

от научно-технических исследований. Инженеру становится труднее реализовать себя как эксперта в своем предмете. В результате на первый план выходят альтернативные элементы — значение материальных благ и смена/размывание идентичности в сторону более неопределенной — «советского трудящегося». Наряду с последующей деиндустриализацией эти факторы оказались ведущими в позднейшей дискредитации профессии инженера уже в постсоветский период.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306 «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества».

Список литературы

Абрамов Р.Н. 2015. Профессиональные культуры и социальная память на примере дискурса о советских и постсоветских технических специалистах. — *Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?* Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофафа. СПб. СИ РАН. 9–11 декабря 2014 г. СПб: Эйдос. С. 223-237.

Аксенова О.В. 2012. Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики. — *Вестник Института социологии*. № 5. С. 121-144.

Арасланова А.А. 2016. Профессиональное становление специалиста: анализ советского периода (60–80-е годы XX столетия). — *Фундаментальные и прикладные аспекты современных психолого-педагогических и социологических исследований*. В 3 т. (под ред. О.П. Чигишевой). Ришон-ле-Сион: Medial. Т. 2. С. 7-29.

Бодрова Е.В. 2011. Государственная научно-техническая политика в послевоенный период отечественной истории: спорные проблемы. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. № 7. Ч. III. С. 36-39.

Гордин А.А. 2008. Политические настроения рабочих и инженеров в годы «хрущевской оттепели» (на материалах Горьковской области). — *Вестник РУДН*. Сер. История России. № 3. С. 43-50.

Гусарова М.Н. 2010а. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в советской высшей технической школе в 30–40-е гг. XX в. — *Власть*. № 4. С. 169-173.

Гусарова М.Н. 2010б. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в советской высшей технической школе в 1950–1980-е гг. — *Научные ведомости*. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(72). Вып. 13. С. 197-204.

Гусарова М.Н. 2011. Подготовка инженерных кадров в советской высшей технической школе в 1920–1930-е гг. — *Известия Алтайского государственного университета*. Вып. 4-2. С. 87-89.

Ермушин М.В. 2012. Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы новой экономической политики. — *Интеллигенция и мир*. № 1. С. 40-54.

Захаров Е.С. 2014. Политика «перевоспитания» кадров дореволюционной научно-технической интеллигенции в 1930-е годы: цели, методы, результаты. — *Государственное управление. Электронный вестник*. Вып. № 46. С. 259-276.

Колчанова Ю.С. 2015. Мир вещей советского инженера в 1930-е годы (по материалам пермских архивов). — *Вестник Пермского университета*. Сер. История. Вып. 1(28). С. 220-227.

Коробейников В.В., Коробейников А.В. 2010. *Двадцатый век в биографии инженера: устная история в сопровождении документов*. Ижевск: Иднакар. 146 с.

Лебединцева Л.А. 2015. Профессионализация инженерной практики: опыт

осмысления в советской социологии. — *Социально-гуманитарный вестник Прикаспия*: научный журнал. № 1(2). С. 21-27.

Мальгина Н.М. 2012. Образ инженера в творчестве Андрея Платонова (изменение восприятия и трактовки). — *Вестник МГПУ. Сер. Филологическое образование*. № 1(8). С. 32-42.

Металлурги Златоуста — во имя Победы (из воспоминаний главного инженера завода И.И. Мурзина). 2015. — *Сталь*. № 5. С. 6-11.

Немчинов В., Панарин С., Панарина Н. 2005. Инженер, магнетит и Победа. — *Вестник Евразии*. № 4. С. 72-118.

Никитина Л.Б. 2015. Просто жизнь. — *Гуманитарные исследования*. № 1(5). С. 128-131.

Соболев Э.Н. 2008. *Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы*. М.: ИЭ РАН. 280 с.

Тульчинский Г.Л. 2013. Быть инженером в России... — *Инновационное развитие профессионального образования. Научно-практический журнал*. № 2(04). С. 105-110.

Шаттенберг С. 2011. *Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН. 478 с.

ISAEV Dmitriy Petrovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (33 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344082, disaew@mail.ru)

TRAPSH Nikolai Alekseevich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (33 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344082, dukekeleshbey@gmail.com)

PROFESSIONAL IMAGE OF THE SOVIET ENGINEER: FROM TRADITIONAL VALUES TO ALTERNATIVE ELEMENTS OF THE IDENTITY

Abstract. *The article is devoted to questions of formation and evolution of the Soviet engineer's professional identity. The authors propose to consider this process through the actualization of the traditional, Soviet and alternative identification elements in different historical periods. On the authors' opinion, the first generation of Soviet engineers inevitably built their professional identity on a foundation of both traditional and new Soviet values. At the same time an alternative identity was formed, serving as a compensatory function in conditions of the totalitarianism. In the second half of the 20th century, on the one hand, for the engineer the importance of universal values increased, on the other hand, in those times it was more difficult for an engineer to realize himself as an expert in his subject. Scientific-technical policy of the state promoted the development of more uncertain professional identity of an engineer.*

Keywords: *Soviet engineer, labor, professional identity, tradition, alternative values*
